

А
Герцен Александр Иванович

Дневник 1842--1845

А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах.

Том второй. Статьи и фельетоны 1841--1846. Дневник 1842--1845

М., Издательство Академии Наук СССР, 1954

Дополнение:

Том тридцатый. Книга вторая. Письма 1869--1870 годов. Дополнения к изданию.

М., Издательство Академии Наук СССР, 1965

OCR Ловецкая Т. Ю.

ДНЕВНИК

с 25 марта 1842

Новгород.

1842 г.

25 марта. Тридцать лет! Половина жизни. Двенадцать лет ребячества, четыре школьничества, шесть юности и восемь лет гонений, преследований, ссылок. И хорошо и грустно смотреть назад. Дружба, любовь и внутренняя жизнь искупают многое. Но, признаюсь, непрерывные гонения и оскорбления нашли средство причинять ужасную боль, и при слове 30 лет становится страшно,-- пора, пора отдохнуть. Я наверно отслужил свои 15 лет, могу идти в бессрочно отпускные. Даже и 25, если считать годы вдвое, как у моряков за кампанию.

26. Вчера получил весть о кончине Михаила Федоровича Орлова¹. Горе и пуще бездейственная косность подбедает геркулесовские силы, он, верно, прожил бы еще лет 25 при других обстоятельствах. Жаль его. Эта новость, пришедшая в день моего рождения *aviso* {как предупреждение (итал.) -- *Ред.*}. *Memento mori* {Помни о смерти (лат.)-- *Ред.*} в одном отношении и *vivere memento* {помни о жизни (лат.)-- *Ред.*} в другом. Пример перед глазами.

Я никогда не считал Михаила Федоровича ни великим политиком, ни истинно опасным демагогом, ни даже человеком тех огромных способностей, как о нем была *fama* {молва (лат.)-- *Ред.*}. Но он имел в себе много привлекательного, благородного, начиная с наружности до обращения и пр. Он был человек между московскими аристократами, исполненный предрассудков, отсталый от нового поколения, упорно державшийся теорий репрезентативности {представительности, от *représentatif* (франц.)-- *Ред.*}, как они были постановлены в конце прошлого и начале нынешнего века, и выдумывавший свои теории, дивившие своей неосновательностью. Молодое поколение кланялось ему, но шло мимо, и он с горестию замечал это. Я был лет 19, познакомившись с ним. Тогда он еще был красавец, "чело, как череп голый"², античная голова, оживленные черты и высокий рост придавали ему истинно что-то мощное. Именно с такой наружностью можно увлекать людей. Возвращенный из ссылки, но непростщенный, он был в очень затруднительном положении в Москве. Снедаемый самолюбием и жадой деятельности, он был похож на льва, сидящего в клетке и не смевшего даже рычать; *faute de mieux* {за отсутствием лучшего (франц.)-- *Ред.*} он окружил себя небольшим кругом знакомых и проповедовал там свои теории; главное лицо по талантам и странностям занимал в этом кругу Чаадаев. Подавленное честолюбие, глубокая уверенность, что он мог бы действовать с блеском на высших правительственных местах, и воспоминание прошедшего, желание сохранить его как нечто святое ставило Орлова в непрерывное колебание. "Стереть прошедшее" и явиться кающейся Магдалиной,-- говорил один голос; "не сходить с величественного пьедестала, который дан ему прошедшим интересом и оставаться окруженным ореолой оппозиционности",-- говорил другой голос. От этого Орлов делал непрерывные ошибки. Вовсе без нужды и без пользы, громогласно иной раз унижался -- и приобретал один стыд. Ибо те, перед которыми он это делал, не доверяли ему, а те, которые были свидетелями, теряли уважение. Правительство смотрело на него как на закоснелого либерала и притом как на бесхарактерного человека; а либералы -- как на изменника своим правилам, даже легкое наказание его, в сравнении с другими декабристами, не нравилось. И в самом деле, неприятно